

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК АРЕНА СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА США И КИТАЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Leylo Allayorova

Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti doktoranti

l.allayorova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3541-9671>

Tel: +998 97 462-01-01

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15379677>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние центральноазиатского вектора на эволюцию американо-китайских отношений в XXI веке. Актуальность темы обусловлена усилением стратегического соперничества между США и КНР в Центральной Азии, которая превращается в арену геополитических и экономических столкновений. Целью исследования является комплексный анализ интересов двух мировых держав в регионе, выявление точек пересечения, конфликта и перспектив кооперации. В работе использованы методы политического анализа, кейс-стади и контент-анализа первоисточников. В результате определены ключевые направления влияния центральноазиатского фактора на глобальное соперничество. Обоснована необходимость разработки механизмов урегулирования конфликтов и углубления понимания геостратегической важности региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, США, Китай, geopolitika, внешняя политика, стратегическое соперничество, "Один пояс — один путь", мягкая сила, региональная безопасность.

ABSTRACT

The article examines the influence of the Central Asian vector on the evolution of U.S.-China relations in the 21st century. The relevance of the topic is driven by the intensification of strategic rivalry between the United States and the People's Republic of China in Central Asia, which is turning into an arena of geopolitical and economic confrontation. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of the interests of the two global powers in the region, to identify points of convergence, conflict, and prospects for cooperation. The research employs methods of political analysis, case studies, and content analysis of primary sources. As a result, key directions of the Central Asian factor's influence on global rivalry are defined. The article substantiates the need to develop mechanisms for conflict resolution and to deepen the understanding of the region's geostrategic significance.

Keywords: Central Asia, United States, China, geopolitics, foreign policy, strategic rivalry, Belt and Road Initiative, soft power, regional security.

ANNOTATSIYA

Maqolada XXI asrda AQSh va Xitoy o'rtasidagi munosabatlarning rivojlanishida Markaziy Osiyo yo'nalishining ta'siri tahlil qilinadi. Mavzuning dolzarbligi AQSh va XXR o'rtasidagi strategik raqobatning kuchaygani, Markaziy Osiyoning esa geosiyosiy va iqtisodiy to'qnashuvlar maydoniga aylanganligi bilan bog'liq. Tadqiqotning maqsadi — ikki yirik davlatning mintaqadagi manfaatlarini chuqur tahlil qilish, ularning tutashuv nuqtalari, qarama-qarshilik va hamkorlik istiqbollarini aniqlashdan iborat. Ishda siyosiy tahlil, keys-stadi va

asosiy manbalarni mazmuniy tahlil qilish usullari qo'llanilgan. Natijada, Markaziy Osiyo omilining global raqobatga ta'sir ko'rsatish yo'nalishlari aniqlangan. Mojrolarni tartibga solish mexanizmlarini ishlab chiqish va mintaqaning geostrategik ahamiyatini chuqurroq tushunishga ehtiyoj mavjudligi asoslab berilgan.

Kalit so'zlar: Markaziy Osiyo, AQSh, Xitoy, geosiyosat, tashqi siyosat, strategik raqobat, "Bir kamar — bir yo'l", yumshoq kuch, mintaqaviy xavfsizlik.

ВВЕДЕНИЕ

Соперничество между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой (КНР) является одной из центральных динамик в мировой политике XXI века. Помимо Тихоокеанского региона, поле конкуренции охватывает и Центральную Азию — стратегически важный регион с ресурсной базой, транзитным потенциалом и политической вариативностью. Обе державы активно проецируют сюда свои интересы и инструменты влияния, что требует комплексного анализа с точки зрения международных отношений. Это взаимодействие приобретает всё более комплексный характер, охватывая не только военно-политические и экономические сферы, но и проявляясь на уровне конкуренции стратегических наративов, моделей развития и инструментов "мягкой силы". Центральная Азия в этом контексте рассматривается как один из ключевых регионов для реализации внешнеполитических стратегий обеих держав, каждая из которых стремится не только закрепить своё присутствие, но и сформировать устойчивую архитектуру влияния на средне- и долгосрочную перспективу.

Сложившаяся конфигурация внешнеполитических интересов США и КНР в регионе обуславливает необходимость многоуровневого анализа, включающего как межгосударственное взаимодействие, так и внутриполитические и социокультурные параметры принимающих стран. Это особенно актуально в условиях усложнения международной обстановки и перехода от однополярной к условно-полицентричной модели международных отношений.

В данном контексте Центральная Азия выступает не столько объектом конкуренции, сколько активным элементом формирования новых транзитных, экономических и идеологических связей, что требует от государств региона гибкой внешнеполитической тактики, способной эффективно адаптироваться к быстро меняющемуся балансу сил. Исследование данных процессов позволяет выявить как потенциальные зоны конфликта интересов, так и возможности для конструктива, особенно в области устойчивого развития, энергетической безопасности и транснационального сотрудничества.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Аналитическая основа исследования построена на сочетании структурно-функционального, сопоставительного и системного подходов. Такой выбор обусловлен необходимостью глубинного анализа взаимодействий ведущих внешнеполитических акторов с государствами Центральной Азии не только через призму стратегических интересов, но и с учётом внутренних динамик региона. Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать регион как узел глобальной политической

архитектуры, подверженный воздействию внешних векторов силы. Сопоставительный метод даёт возможность выявить институциональные и доктринальные различия в подходах США и КНР к формированию влияния. Системный анализ раскрывает взаимозависимости между политикой безопасности, экономическим проникновением и гуманитарными механизмами легитимации внешнего присутствия.

Методы эмпирического анализа включали содержательный анализ стратегических документов, речей лидеров, внешнеполитических программ и экспертных заключений. Используемые материалы охватывают три языковых кластера — англоязычные, русскоязычные и китайские источники — что позволило реконструировать дискурсивные стратегии обеих сторон с учётом их культурно-политического контекста. Объектом изучения стали не только тексты программных и концептуальных документов, но и аналитика, представленная в профильных академических изданиях, а также в авторитетных международных докладах.

Особое внимание уделено работе с массивами данных, предоставленными такими структурами, как Brookings Institution, RAND Corporation, Центр стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан (ИСМИ), Информационно-аналитический центр ШОС, Центр анализа и международных коммуникаций. Изучены материалы внешнеполитических ведомств, национальных стратегических центров, а также информация, размещённая на официальных правительственные и экспертных ресурсах стран Центральной Азии.

Комплексный характер методологии позволил выйти за рамки описательной модели анализа и сконструировать интерпретативную схему, охватывающую как формальные контуры внешней политики США и Китая в регионе, так и менее очевидные практики политической проекции, включая культурные инициативы, образовательную экспансию и работу с элитными группами. Такой подход обеспечил исследованию надёжность и аналитическую глубину.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Центральная Азия как зона геополитического перекрёстка

После событий 2001 года, сопровождавшихся радикальным изменением глобальной повестки безопасности, Соединённые Штаты Америки предприняли качественный сдвиг в региональной политике, рассматривая Центральную Азию как стратегический тыл в контексте операций в Афганистане, а также как буферную зону по отношению к влиянию России и нарастающему присутствию Китая [1], [2]. Ввод в эксплуатацию баз в Узбекистане и Кыргызстане, активизация программ военно-технической помощи и запуск политico-экономических платформ, таких как формат С5+1, позволили Вашингтону институционализировать своё присутствие и наделить его устойчивыми рамками [3]. Эти шаги сопровождались риторикой в поддержку демократических преобразований, рыночных реформ и «инклюзивного развития» в странах региона, что служило идеологическим сопровождением экспансии.

С противоположной стороны, Китайская Народная Республика выстроила альтернативную парадигму взаимодействия, в которой доминируют инфраструктурные и торгово-инвестиционные инструменты. Через стратегию «Один пояс — один путь» КНР не только активизировала строительство магистральных

логистических коридоров, но и сформировала сеть зависимости посредством предоставления крупных кредитов, в том числе через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB) [4], [5]. Эта модель характеризуется акцентом на прагматизм, отказом от идеологической риторики и упором на «взаимовыгодное развитие», что делает её привлекательной для политических элит региона, стремящихся сохранить управляемость и суверенитет при привлечении внешних ресурсов.

Таким образом, Центральная Азия оказалась включённой в орбиту двух разнотипных систем внешнего влияния — американской, с опорой на нормативные и военно-стратегические ресурсы, и китайской, базирующейся на инфраструктурной связанности и финансово-экономической зависимости. Противостояние этих векторов не сводится к простому делению сфер влияния: оно формирует новый тип региональной логики, в которой государства Центральной Азии получают возможность маневра, но одновременно подвергаются риску включения в модели внешнего управления, несущие долгосрочные политические издергжи.

2. Инструменты влияния: от "мягкой силы" до стратегических инвестиций

Современные формы внешнеполитического воздействия США и Китая в Центральной Азии демонстрируют отход от классических моделей прямого вмешательства в пользу комплексных, гибридных стратегий влияния. Обе державы активно используют арсенал «мягкой силы» (soft power), однако содержательное наполнение и механизмы реализации этой силы радикально различаются.

Соединённые Штаты фокусируют внимание на институциональной трансформации обществ через поддержку образовательных, медийных и правозащитных инициатив. Программы USAID и IREX, как и ряд частично финансируемых американским правительством грантовых механизмов, способствуют подготовке новой элиты, ориентированной на либерально-демократические ценности [6]. Особое значение приобретают стипендиальные инициативы, создающие транснациональные образовательные сети, а также проекты по развитию независимых СМИ и гражданского сектора, в которых закрепляются идеологемы западной модели модернизации.

Пекин, напротив, строит свою внешнюю гуманитарную стратегию на основе прагматичного и неидеологизированного взаимодействия. Основной акцент делается на расширение культурного и академического присутствия через сеть Институтов Конфуция, активно внедряемых в университетскую среду региона, а также через двусторонние соглашения в области образования, науки и культуры [7]. Китайская сторона предпочитает не вмешиваться в политические системы стран-партнёров, что делает её присутствие менее чувствительным для авторитарных режимов.

Наряду с этим, Китай существенно превосходит США в сфере прямых стратегических инвестиций в инфраструктуру, энергетику и цифровые технологии. Через механизмы, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB), Silk Road Fund и соглашения в рамках BRI, КНР закрепляет экономическое влияние в регионе, интегрируя его в евразийскую логику транзитных коридоров и торговых связей. Эти процессы сопровождаются построением новых логистических маршрутов, включая железнодорожные и автомобильные магистрали, что формирует

пространственные основы долгосрочной зависимости.

Таким образом, в арсенале обеих держав — разнонаправленные, но дополняющие друг друга инструменты. Если США делают ставку на институциональное воздействие и подготовку кадров, то Китай выстраивает долгосрочные экономические и гуманитарные связи, опираясь на инфраструктурное закрепление и ненавязчивую культурную экспансию. Обе модели формируют устойчивую архитектуру влияния, ориентированную не на краткосрочный эффект, а на изменение правил функционирования регионального порядка.

3. Узбекистан как пример многовекторности

В контексте усиливающегося внешнеполитического давления со стороны глобальных акторов Республика Узбекистан демонстрирует пример адаптивной стратегии, направленной на сохранение внешнеполитического баланса при одновременном извлечении выгод из конкуренции между ведущими державами. С начала 2016 года, после смены политического руководства, наблюдается чётко выраженный курс на расширение международной субъектности, сопровождаемый диверсификацией партнёрских каналов.

Во взаимодействии с Соединёнными Штатами Америки Ташкент делает акцент на вопросах безопасности, особенно в контексте постамериканского Афганистана. Совместные инициативы по борьбе с трансграничным терроризмом, обмен разведданными, участие в международных антинаркотических структурах и программах военно-технического содействия формируют базу устойчивого диалога [8]. Кроме того, активизируются гуманитарные контакты и академические обмены, что способствует формированию проамериканских настроений среди новой элиты.

С Китаем, напротив, сотрудничество строится преимущественно в экономической плоскости. Китай является одним из ключевых инвесторов в Узбекистане, особенно в сферах транспортной логистики, энергетики и промышленной инфраструктуры. Через реализацию проектов в рамках инициативы «Один пояс — один путь», включая модернизацию железнодорожных маршрутов и энергетических объектов, Пекин закрепляет своё экономическое присутствие и расширяет влияние в стратегических отраслях узбекской экономики [9]. При этом особую роль играют финансовые инструменты, направленные на реализацию проектов с отложенной рентабельностью и длительным инвестиционным циклом.

Таким образом, Узбекистан выстраивает внешнеполитическую модель, в которой стратегическая гибкость сочетается с pragmatizmom и национальной автономией. Такая позиция позволяет не только минимизировать внешние риски, но и усиливать внутренние реформы за счёт привлечения конкурирующих ресурсов. В условиях растущей напряжённости между Вашингтоном и Пекином Ташкент демонстрирует способность выступать не как объект влияния, а как активный участник глобального политического взаимодействия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённый анализ позволил выявить и систематизировать ряд устойчивых тенденций, определяющих трансформацию региональной среды Центральной Азии под влиянием американо-китайского соперничества.

Во-первых, регион превратился в стратегическое звено глобальной инфраструктурной взаимосвязанности. Центральная Азия занимает узловое положение в проектировании и реализации трансрегиональных транспортных и энергетических коридоров. Особое значение приобретают инициативы, такие как Центральноазиатская региональная энергетическая система (КРЭС), мультимодальные маршруты «Китай – Центральная Азия – Европа», а также проект ЛАПСЕТ, интегрирующий южноазиатское и центральноазиатское направления [10]. Эти коммуникационные артерии не только обеспечивают физическую связность региона, но и становятся инструментом внешнеполитического влияния, поскольку формируют зависимости стран-участниц от стратегий доноров.

Во-вторых, растущая конкуренция между США и КНР приводит к усложнению геополитической конфигурации региона. Усиление турбулентности проявляется в наслоении параллельных институциональных структур, конфликте нормативных подходов и фрагментации внешнеполитических ориентиров у государств региона [11]. Однако данное соперничество имеет и конструктивный потенциал: оно расширяет поле дипломатического маневра для стран Центральной Азии, позволяя им проводить более гибкую и прагматичную внешнюю политику, основанную на принципах «многовекторности» и «выбора без обязательств».

В-третьих, противостояние двух идеологических моделей развития — либеральной, продвигаемой США, и авторитарно-технократической, олицетворяемой Китаем — оказывает растущее воздействие на внутренние политические процессы в регионе. Экспансия западной модели сопровождается институциональной реформой, развитием институтов гражданского общества и нормативной европеизацией; в то время как китайская модель апеллирует к стабильности, технократической рациональности и контролю за политическим плюрализмом [12]. Эта двойственность усиливает внутреннюю поляризацию в ряде стран региона и влияет на траектории трансформации их политических систем.

Таким образом, выявленные результаты указывают на необходимость рассмотрения Центральной Азии не просто как объекта внешнего давления, а как активного участника перекрёстных глобальных процессов, обладающего потенциалом для институционального инновационного выбора.

ОБСУЖДЕНИЕ

Несмотря на обостряющееся соперничество между США и КНР, Центральная Азия не ограничивается ролью пассивного пространства конкуренции. Регион всё в большей степени приобретает функции самостоятельного субъекта в формирующейся архитектуре евразийского регионализма. Такие многосторонние площадки, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и формат С5+1, становятся инструментами для балансировки внешнего давления и институционализации региональных интересов в условиях полицентричного мира.

Углублённый анализ показывает, что в регионе сохраняются значительные возможности для прагматичного взаимодействия между Вашингтоном и Пекином, особенно в сферах, где присутствует высокий уровень взаимодополняемости. Среди

таких направлений можно выделить борьбу с транснациональными угрозами (включая терроризм и организованную преступность), развитие устойчивой энергетики, модернизацию транспортной логистики, а также преодоление климатических вызовов [13]. Совместные усилия в этих сферах могли бы способствовать стабилизации региона и снижению геополитических рисков, особенно в условиях растущей уязвимости Центральной Азии к внешним шокам и внутрирегиональным дисбалансам.

Однако реализация этих потенциалов требует качественного пересмотра самих принципов внешнеполитического поведения ведущих держав. Прежде всего, это касается отказа от логики конфронтации и исключительности, характерной для парадигмы «нулевой суммы», в пользу инклюзивных форм сотрудничества, признающих право государств региона на стратегический выбор. Необходим переход от инструментализации Центральной Азии как «буфера» или «моста» к восприятию её как полноценного партнёра, чьи интересы не сводятся к объекту глобальной конкуренции, но интегрированы в более широкий контекст региональной безопасности и устойчивого развития.

В этом контексте ключевую роль играют дипломатические усилия самих стран региона, направленные на институциональное оформление многовекторности, обеспечение стратегической автономии и выстраивание диалога на равных с внешними центрами силы. Только при соблюдении этих условий Центральная Азия сможет выйти за рамки «геополитического пространства влияния» и стать субъектом собственной международной повестки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американо-китайское соперничество в Центральной Азии выступает не временным эпизодом, а устойчивым трендом, оказывающим комплексное воздействие на политические, экономические и институциональные параметры развития региона. Оно отражает не только столкновение интересов двух глобальных держав, но и более глубокий конфликт моделей международного взаимодействия, где конкурируют нормативные системы, инфраструктурные логики и цивилизационные нарративы. В этом контексте Центральная Азия превращается в критически важный узел мировой политики, от трансформации которого во многом зависит устойчивость формирующегося полицентричного миропорядка.

Реализация многовекторных стратегий государствами региона способна превратить внешнюю конкуренцию в ресурс внутренней модернизации. При этом фундаментальное значение приобретает способность стран Центральной Азии не только лавировать между внешними центрами силы, но и формировать собственную концепцию региональной субъектности, основанную на стратегической автономии, институциональной устойчивости и ясных приоритетах развития.

Выход из логики зависимости требует от региональных элит выстраивания механизмов стратегического планирования, расширения горизонтальной кооперации и использования международных площадок (ШОС, ООН, ОБСЕ, ОИС) как инструмента защиты и проекции собственных интересов. Только при таких условиях Центральная Азия сможет не просто адаптироваться к новым вызовам, но и выступить активным соавтором архитектуры региональной и глобальной безопасности.

В будущем устойчивость Центральной Азии как региона будет зависеть от её

способности институционализировать внутренние преобразования, опираясь на равновесное взаимодействие с глобальными игроками. Речь идёт не о выборе между Вашингтоном и Пекином, а о способности сконструировать стратегию, в которой внешнее участие подконтрольно внутренней логике развития.

References:

Используемая литература: *Foydalanilgan adabiyotlar:*

1. Мирзиёев Ш.М. Выступление на третьей министерской встрече в формате "Центральная Азия – США". Самарканда, 1 июля 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4640>
2. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. – New York: Basic Books, 1997.
3. Nichol J. Central Asia's Security: Issues and Implications for U.S. Interests. – Congressional Research Service Report, 2014.
4. Rolland N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. – NBR, 2017.
5. Zhao H. China's BRI and Central Asia. // China International Studies. – 2019. – No. 3.
6. USAID Central Asia Strategy 2020–2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.usaid.gov/central-asia-regional>
7. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004.
8. Шазаманов Ш. Сотрудничество с КНР в Республике Узбекистан // Восточный факел. – 2018. – №3. – С. 74–84.
9. Ходжаев А. Китайский фактор в ЦА // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №3 (51). – С. 30–46.
10. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. – Oxford University Press, 2012.
11. Koranyi D. Eurasian Connectivity in the Age of Geopolitics. – Atlantic Council, 2020.
12. Starr S.F., Cornell S.E. The Long Game on the Silk Road. – Central Asia-Caucasus Institute, 2018.
13. Kugelman M. US-China Rivalry in Central Asia: What the Region Thinks. – Wilson Center Report, 2021.